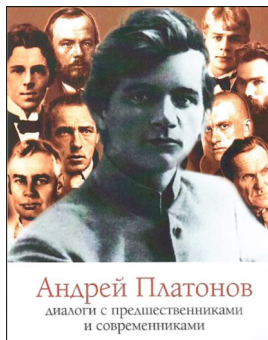

Андрей Платонов в контексте русской литературы (рецензия на монографию Н.М. Малыгиной «Андрей Платонов: диалоги с предшественниками и современниками»)

В рецензии анализируется монография известного исследователя творчества А.П. Платонова Н.М. Малыгиной «Андрей Платонов: диалоги с предшественниками и современниками» (СПб.: Нестор-История, 2025. 400 с.), ставшая результатом многолетнего изучения литературного наследия и биографии писателя. Особое внимание обращается на историко-генетические литературные связи Платонова и Ф.М. Достоевского; генетические и сравнительно-типологические схождения между произведениями Платонова и В. Брюсова, Велимира Хлебникова, В. Маяковского, С. Есенина, О. Мандельштама и В. Шаламова. Указывается ряд важных литературоведческих проблем: вопрос о творческом методе автора «Чевенгура» и «Котлована»; соотношение поэзии, публицистики и прозы в произведениях Платонова; его позиция в дискуссиях представителей литературных групп 1920-х годов, прежде всего «Кузницы» и «Перевала»; история взаимоотношений Платонова и А.К. Воронского; сходство эстетических принципов «новой прозы» Платонова и В. Шаламова.

Ключевые слова: Платонов, диалог, русская классика, авангард, Воронский, Есенин, Шаламов, «Рассказ о многих интересных вещах», «Чевенгур», «Котлован»

Малыгина, Н.М. Андрей Платонов : диалоги с предшественниками и современниками. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2025. — 400 с.

Malygina, N.M. Andrei Platonov: dialogues with predecessors and contemporaries. St. Petersburg: Nestor-History, 2025. 400 p.

ISBN 978-5-4469-2341-0

This review analyzes the monograph by N.M. Malygina, a renowned scholar of A.P. Platonov's work, titled "Andrei Platonov: Dialogues with Predecessors and Contemporaries" (St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2025. 400 p.), which was the result of many years of studying the literary heritage and biography of the writer. Particular attention is paid to the dialogues, that is, the historical and genetic literary connections between the works of Platonov, on the one hand, and F.M. Dostoevsky, on the other, as well as contact, genetic and comparative typological similarities between the works of Platonov and many writers of the last century. Among them are V. Bryusov and representatives of the Russian avant-garde Velimir Khlebnikov, V. Maiakovsky, as well as Proletkult figures and new peasant poets (S. Yesenin), O. Mandelstam, B. Pasternak and V. Shalamov. Among the important literary criticism problems is the question of the creative method of the author of "Chevengur" and "The Foundation Pit", the place of literary criticism and journalism of Platonov in the context of discussions of representatives of different literary groups of the 1920s, primarily "The Forge" and "The Pass", the history of Platonov's relationship with A.K. Voronsky, as well as the similarity of the aesthetic principles of the "new prose" of Platonov and V. Shalamov.

Keywords: Platonov, dialogue, Russian classics, avant-garde, Voronsky, Yesenin, Shalamov, "A Story about Many Interesting Things", "Chevengur", "The Foundation Pit"

Рецензируемая монография состоит из предисловия автора, семи глав, заключения, списка сокращений, литературы. В монографии затронут ряд важных литературоведческих проблем: становление А.П. Платонова как поэта, прозаика, драматурга, критика и публициста; деятельность Платонова-инженера и общественного деятеля. Трагическая судьба Платонова — непризнание результатов его масштабной инженерной деятельности; запрет на издание его главных произведений, последствием которого стало то, что современники не знали о масштабах его литературного творчества; творчество Платонова в контексте идей и литературных произведений участников Пролеткульта, РАППа, «Кузницы», «Перевала», авангарда; сходство судеб и тем, фило-

софских проблем, художественных приемов в прозе и поэзии Платонова и, казалось бы, весьма далеких от него авторов — Блока, Есенина, Мандельштама, Шаламова.

Цель монографии определена следующим образом: «Настоящая книга продолжает исследование неразгаданных тайн писательской судьбы Платонова, неизвестных эпизодов его отношений с литераторами — предшественниками и современниками» (С. 378)¹. В предисловии к письмам А. Платонова, изданным в 2013 г., Наталья Корниенко подчеркнула, что изучение литературного окружения этого писателя остается насущной задачей платоноведения [1].

В книге Малыгиной «Андрей Платонов: диалоги с предшественниками и современниками» продолжено исследование личных отношений и творческих связей Платонова с писателями 1920–1940-х годов, которому были посвящены многочисленные статьи и книги автора².

В монографии «Андрей Платонов и литературная Москва...»³ рассмотрены взаимоотношения и переключки творчества этого писателя и наследия А.М. Горького, Б.А. Пильняка, Б.Л. Пастернака, С.Ф. Буданцева, Артема Веселого, В.С. Гроссмана.

В рецензируемой монографии речь идет об анализе произведений Платонова в контексте прозы и публицистики Ф.М. Достоевского, поэзии и драматургии Хлебникова и Маяковского, Есенина и Мандельштама.

На наш взгляд, научно-фантастические рассказы и повести Платонова начала 1920-х годов написаны в форме технократически утопического мифа. Знакомый с философскими идеями Н.А. Бердяева и Н.Ф. Федорова, Платонов размышлял о «метафизике» техники и технического прогрессе, о свободе и счастье, о возможности создания совершенного, гармоничного человека. Это и есть неореализм, или «синтетизм», сочетающий в себе реалистическое и символистское запечатление жизни, мифотворчество. В работах о русском неореализме (см., например: [2; 3]) с данным литературным течением связано и творчество Платонова. Такую же точку зрения высказала в своих трудах и Е.В. Куликова [4]. Противоречий между двумя теориями творческого метода Платонова нет, только терминология у разных исследователей разная.

Методология Н.М. Малыгиной зиждется на наиболее распространенном в русском литературоведении историко-культурном подходе к писателю и его произведениям, который включает в себя биографический метод и сравнительно-историческое изучение искусства слова.

В первой главе книги «Диалог с Достоевским в публицистике и прозе Платонова» раскрыты генетические связи ключевых образов и мотивов прозы Платонова с творчеством великого классика. В сюжетах обоих писателей важны мотивы самоубийства и нравственного воскрешения.

Сделан вывод о том, что одной из составляющих художественного метода Платонова был «фантастический реализм» Достоевского.

Во второй главе «Путь Платонова к первой книге» подробно рассмотрены первые публикации стихотворений Платонова, входившего в литературу как поэт. Анализ воронежской периодики

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы рецензируемого издания.

² См., например, другие работы Н.М. Малыгиной: Эстетика Андрея Платонова. М., 1985; Художественный мир Андрея Платонова. М., 1995; Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М.: ТЕИС, 2005. 334 с.; Андрей Платонов и литературная Москва: А.К. Воронский, А.М. Горький, Б.А. Пильняк, Б.Л. Пастернак, Артем Веселый, С.Ф. Буданцев, В.С. Гроссман. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 590 с.

Sm. raboty N.M. Mal'ginoi: Estetika Andreia Platonova. Moscow, 1985; Khudozhestvennyi mir Andreia Platonova. Moscow, 1995; Andrei Platonov: poetika «vozvrashcheniia». Moscow: TEIS, 2005. 334 s.; Andrei Platonov i literaturnaia Moskva: A.K. Voronskii, A.M. Gor'kii, B.A. Pil'niak, B.L. Pasternak, Artem Veselyi, S.F. Budantsev, V.S. Grossman. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018. 590 s.

³ Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва: А.К. Воронский, А.М. Горький, Б.А. Пильняк, Б.Л. Пастернак, С.Ф. Буданцев, Артем Веселый, В.С. Гроссман. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 590 с.

Mal'gina, N.M. Andrei Platonov i literaturnaia Moskva: A.K. Voronskii, A.M. Gor'kii, B.A. Pil'niak, B.L. Pasternak, S.F. Budantsev, Artem Veselyi, V.S. Grossman. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018. 590 s.

позволил осветить литературный и журналистский процессы в Воронеже первой половины 1920-х годов. Представлена история издания его первой книги стихов «Голубая глубина». Автор обращается к переписке Платонова с московским Госиздатом, обнаруженной исследователем творчества С.А. Есенина С.И. Субботиным, раскрывающей попытку писателя опубликовать в Москве сборники поэзии, публицистики и прозы. Н.М. Малыгина сверила цитируемые письма Платонова с архивными подлинниками.

Устанавливается, что поэзия Платонова была источником образов и мотивов его прозы, которая «...в значительной мере была прозой поэта, что и определяло ее неповторимое своеобразие» (С. 111).

Приведены малоизвестные факты о начале литературной биографии А.П. Климентова (настоящая фамилия молодого журналиста). Летом 1919 г. он стал членом Воронежского коммунистического союза журналистов, его стихотворения в 1919 г. печатались в каждом номере журнала «Железный путь», а в 1920 г. в Воронеже состоялся вечер поэзии рабочего Платонова, после которого поэт стал местной знаменитостью (С. 82–83).

Платонов выступил в журнале «Железный путь» как инициатор объединения пролетарских писателей в Воронеже и на общем собрании членов Воронежского союза пролетарских писателей был избран делегатом Всероссийского съезда пролетарских писателей в Москве. Ценно также и то, что открытием Н.М. Малыгиной является осмысление малоизвестной страницы истории литературных организаций в 1920-е годы. Выясняется, что объединение пролетарских писателей, куда вступил Платонов, было оформлено как отдел Наркомпроса и стало двойником Пролеткульта, отказывавшегося подчиняться Наркомпросу, чтобы сохранить автономию и независимость от руководства правящей партии.

Свободно ориентируясь в литературной жизни 1920-х годов и биографиях руководителей отдельных групп и объединений, исследовательница дает объяснение политическим причинам того, почему В. Брюсов написал рецензию на первую книгу стихов Платонова «Голубая глубина»:

Рабочий поэт вошел в литературную группу пролетарских писателей, которая отказалась от свободы творчества, подчинилась правящей партии. Благодаря этому они удостоились благосклонности руководителей литературного процесса, проводивших политику партии в литературе (С. 92).

Приведен и текст брюсовской рецензии 1923 г., опубликованной в журнале «Печать и революция». Корифей московских старших символистов покритиковал «Голубую глубину» за отдельные недостатки, но в целом признал поэтический дар Платонова: «<...> у него — богатая фантазия, смелый язык и свой подход к темам. В своей первой книге А. Платонов — настоящий поэт <...>» (С. 109).

В биографии Платонова большое место занимало и общение с Воронским, чью редакторскую деятельность в «Красной нови», а также критические работы и организацию «Перевала» Н.М. Малыгина досконально изучила в третьей главе **«Творческие связи Платонова и А.К. Воронского»**. Анализ этих взаимоотношений также подкреплен письмами Платонова к Воронскому и Воронского к Горькому.

В письме от 18.06.1927 г. Платонов просил Воронского прочитать только что оконченную повесть «Сокровенный человек», и эту просьбу критик выполнил, поспешив поделиться своими впечатлениями от произведения в письме к Горькому от 11.08.1927 г.:

Мне нравится Андрей Платонов, он честен в письме, хотя еще и неуклюж. У меня есть его повесть о рабочем Пухове — эдакий русский Уленшпигель, — занятно... Вот это хорошо и бодрит... (С. 125).

Однако Горький в ответе не коснулся новой повести Платонова, похвалив многие публикации «Красной нови». Н.М. Малыгина не делает предположений о причинах этого умолчания, а квалифицирует его как загадку, которую литературоведению предстоит решить.

В профессиональный союз Воронского и Платонова входил также и Б.А. Пильняк, дружбой с которым Андрей Платонович поначалу дорожил. Взаимоотношения Платонова с современниками, чьи судьбы были трагическими, обнаружили его высокие человеческие качества — мужество и верность друзьям, в каких бы ситуациях они ни оказывались. Письма Платонова Воронскому оканчивались трогательными признаниями: «Глубоко уважающий вас Андрей Платонов» (письмо от 27.07.1926 г.), «С глубоким уважением Андрей Платонов» (письмо от 18.06.1927 г.).

Громкий политический скандал из-за публикации в журнале «Новый мир» в 1926 г. «Повести непогашенной луны», в центре которого оказался Воронский, его остракизм и ссылка в 1929 г. не оттолкнули Платонова и Пильняка от Воронского. Платонов даже бросил вызов его преследователям, выразив свою позицию в рассказе «Московское Общество Потребителей Литературы (МОПЛ) (Отчет хроникера)», где от лица вымышленного персонажа положительно оценил репертуар «Красной нови», а следовательно, и деятельность редактора журнала.

Но Платонов мгновенно оказался и сам писателем-изгоем. За контакты с Пильняком, за публикацию в соавторстве с ним очерков «Че-Че-О» он подвергся суровой критике. Малыгина, завершая исследование сложной историко-литературной проблемы, делает такой вывод: во многом по этой причине репутация Платонова как пролетарского писателя была разрушена (С. 127).

Автор рецензируемой монографии рассмотрел творческое наследие Платонова комплексно — и поэзию, и прозу, и драматургию, а также критику и публицистику. Такой подход позволил обнаружить сходные сюжетные мотивы и типы персонажей в произведениях разных жанров — юноши из народа и его интеллигентной подруги в рассказе «Река Потудань» (Никита Фирсов и Люба) и романе «Чевенгур» (Александр Дванов и Соня Мандрова). Благодаря анализу этих произведений доказано, что рассказ «Река Потудань» своего рода «двойник» «Чевенгура».

Среди удач рецензируемой книги — новаторское сопоставление произведений футуристов О.Э. Мандельштама, С.А. Есенина и В.Т. Шаламова с творениями Платонова.

Особенно интересны наблюдения, сделанные в главе четвертой «*Платонов в контексте литературного авангарда*», касающиеся творческих связей Платонова с Маяковским. Диалог с Маяковским определялся тем, что Платонов принимал эстетические принципы футуристов, поскольку они были близки теории пролетарской культуры Богданова, эстетические позиции двух писателей сближала присущая им «проективность». Установлена близость платоновского художественного метода принципам эстетики литературного авангарда. В частности, в качестве одного из доказательств приводится ранняя статья писателя «Революция “духа”», свидетельствующая о том, что он разделял идеи «Манифеста Летучей Федерации футуристов» (призыв к революции духа).

С творчеством Маяковского связана одна из главных тем рассказов Платонова 1920-х годов, относящаяся к вере в безграничные возможности электричества, которое и его герои «<...> воспринимали как <...> замену веры в Бога» (С. 223). Тема электричества была центральной в ранней повести Платонова «Рассказ о многих интересных вещах», обнаруженной исследователем на страницах воронежской «Нашей газеты». Подчеркнуто, что соавтором произведения стал воронежский журналист и писатель М. Бахметьев. В этой повести Н.М. Малыгина выявила мифологические и фольклорные мотивы. Отмечено, что один из персонажей, отец главного героя Ивана Копчикова, — волк Аким. Сказочный персонаж в повести «Котлован» — медведь — работал в кузнице и участвовал в раскулачивании крестьян. Эти наблюдения свидетельствуют о сходстве прозы Платонова с творчеством символистов. Исследовательница приходит к выводу:

Эстетика и поэтика русского художественного авангарда были источниками оригинального творчества Платонова, в котором органически соединились принципы реализма, символизма и теории пролетарской культуры (С. 169).

На Платонова-писателя повлияла также теория «органического электрообмена» А.Л. Чижевского. Исследовательница анализирует статьи Платонова 1940-го года «Размышления о Маяковском» и рецензию на книгу В. Шкловского «О Маяковском», опубликованные под псевдонимом Ф. Человеков. В книге убедительно доказано: «Сходство эстетических взглядов Платонова и Маяковского определялось их восприятием нового искусства как способа переустройства жизни <...>» (С. 205). Платонов утверждал, что литературное произведение должен «строить социальный коллектив», а писатель лишь «монтировать» факты действительности, до него зафиксированные в публицистике и деловой прозе (С. 251). Близко идеям Маяковского платоновское убеждение в том, что современный писатель должен иметь какую-нибудь профессию, т.к. на собственном опыте удостоверился, что инженер, строитель, агроном знают жизнь и производство изнутри.

Биографии многих писателей XX в. подтверждают правильность такого мнения: В.В. Маяковский учился живописи, инженерами были Е.И. Замятин, А.Н. Толстой, Н. Гарин-Михайловский, агрономом — М.М. Пришвин, врачами — А.П. Чехов, В.В. Вересаев, М.А. Булгаков. Платонов считал обязательным наличие у писателя научно-технических знаний и основанных на них проектов, способствовавших рождению в литературе современных сюжетов (устремление в космос) и типов персонажей (юродивый герой, новый человек, сокровенный человек и др.).

Необыкновенно интересен анализ сюжетных и образных параллелей в произведениях Платонова и Маяковского — «мастерская человечих воскрешений», искусственное солнце, «постройка нового человека», изобретение героя — «сокровенного человека». Предложены и конкретные параллели: символическая башня в поэме «Облако в штанах» и дом-сад в «Рассказе о многих интересных вещах», дом в «Котловане» и «Чевенгуре». Финал «Чевенгура» похож на финальное действие «Мистерии-буфф» Маяковского, а текст «Клопа» трансформирован в повести «Впрок». Вновь исследовательница актуализирует в своей книге малоизвестные поэмы Маяковского, не входящие в вузовские программы по литературе, — «Пятый Интернационал», «Летающий пролетарий». Переключки текстов двух авторов анализируются всесторонне, т.к. замечено не только развитие Платоновым некоторых мотивов и образов поэта, но и их пародирование и спор с ними.

В рецензируемой книге обстоятельно рассмотрены платоновские шедевры: «Сокровенный человек», «Усомнившийся Макар», «Впрок», «Чевенгур» и «Котлован».

Малыгина Н.М. не только с фактографической точностью, но и умело создает увлекательное повествование, благодаря выдвижению различных гипотез и использованию герменевтического подхода.

«Можно предположить, что герои Мандельштама и Платонова странствуют по одним и тем же маршрутам» (С. 333), — утверждает автор в шестой главе книги **«Платонов и О.Э. Мандельштам: встречи в пространстве литературы»**. Некоторые литературные связи между Платоновым и его современниками исследованы особенно обстоятельно.

На изучении взаимоотношений Платонова с критиком и редактором толстого журнала «Красная новь» А.К. Воронским основана глава седьмая **«Рассказы В.Т. Шаламова в контексте прозы Платонова...»** Сопоставление прозы писателей позволило установить, что «эстетические принципы “новой прозы”», которые признаны открытием Шаламова, разрабатывались в творчестве Платонова.

Одной из центральных фигур этого сюжета стал Горький, чья роль в судьбе Платонова освещена с неожиданной стороны.

История личных контактов Платонова с Горьким началась с попытки автора «Чевенгура» получить поддержку Горького, чтобы добиться издания романа. Когда издательство неожиданно отказалось печатать роман, уже подготовленный к печати, Платонов решил попросить Горького прочитать рукопись.

Платонов был уверен, что Горький ему поможет с публикацией «Чевенгура», но роман так и не был издан

при жизни автора. После скандала, вызванного публикацией повести Платонова «Впрок» в журнале «Красная новь» в марте 1931 г., Сталин поручил Горькому стать цензором Платонова. Теперь Платонов должен был постоянно обращаться к Горькому за подтверждением пригодности его вещей к публикации. Чаще всего результат таких просьб был отрицательным (С. 347–348).

Горький не пропустил в печать антифашистский рассказ «Мусорный ветер», сравнив его с «мрачным бредом» (Литературное наследство. Т. 70. М.: Наука, 1963. С. 315), и пьесе «Высокое напряжение». Пролетарский «буревестник», приговорам которого вынужден был подчиняться Платонов, напоминает «цензора» Николая I, в зависимость от мнений которого попал А.С. Пушкин после возвращения из ссылки в Михайловское.

Исследовательница объяснила подобную реакцию Горького, обычно активно поддерживавшего молодых писателей из пролетарской среды, опасением, что очередное платоновское произведение вызовет негативное отношение критиков и партийного руководства (С. 348). Она использовала для обоснования своей интерпретации письмо В.Т. Шаламова И.Н. Крамову от 17 декабря 1976 г.:

...в судьбе Платонова много сыграл Горький. Горький все брал, все и бросал платоновские вещи.

А Платонов не то что верил в Горького <...> Просто Горький был трезвее иного, чего-то худшего, в круге тогдашнего времени. Платонов тут считался с тем, что Горький только декорация. Он не более чем ширма. Но Горький не одобрял этой дороги, и Платонов так и умер непризнанным человеком (С. 346–347).

Высказанное в процитированном письме мнение автора «Колымских рассказов» основано на его критической позиции по отношению к Горькому. В.Т. Шаламов лишает Горького значительности и веса в литературных кругах, подчеркивает присущее ему слабоволие, а также и то, что эстетические принципы автора гениальных «Епифанских шлюзов», «Котлована» и «страшного романа» «Чевенгур», с одной стороны, и главы русского реалистического направления в XX в., с другой, были слишком разными.

В подтексте шаламовского письма иначе прочитывается оценка драматической ситуации непризнания Платонова. Она объясняется соперничеством создателя «Моих университетов», «Дела Артамоновых», романа «Жизнь Клима Самгина» с творцом «фантастического реализма», художественного метода, чуждого М. Горькому.

В научном отношении особенно перспективна проблема эстетических принципов «новой прозы», поставленная в седьмой главе. Этот художественный феномен возник в первой трети прошлого столетия в творчестве А. Ремизова, Е. Замятина, М. Пришвина, А. Толстого, М. Булгакова (см.: [2; 5]), и в рецензируемой монографии констатируется, что уже Платонов создавал новаторскую прозу. Заметим, что проза Платонова более гротескна, даже фантастична, мифологична, утопична и антиутопична, чем «Колымские рассказы» Шаламова конца 1950–1970-х годов, в которых поэтика новой прозы трансформировалась.

Любопытно следующее заявление писателя: «В “Колымских рассказах” нет ничего от реализма, романтизма, модернизма» (С. 354) — противоречащее тому, что он следовал лефовской поэтике, явно футуристической, т.е. модернистской.

На наш взгляд, Шаламов — своего рода этнограф Колымы, который ведет читателей по всем кругам лагерного ада. В его восприятии лагерь — то трагически новое, что возникло в XX в. и где происходило расчеловечивание человека. В рассказе «Красный крест» Шаламов посылал открытое проклятие лагерю. Но накопленный писателем жизненный материал послужил основой для постановки философских проблем (подробнее об этом см.: [6]). Не случайно Н. Малыгина выявила сочетание документальности и художественности как новые черты этого течения («Манифест о новой прозе» и эссе «О моей прозе» Шаламова). А значит, у Шаламова иная разновидность новой прозы, созданная в современный период русской литературы.

Анализ публицистики Платонова, основанный на тщательном изучении воронежских газет и журнала «Железный путь», позволяет автору монографии внести вклад в историю журналистики, поскольку устанавливается, что художественные произведения создавались на основе его публицистики.

Сильная сторона историко-литературных работ Н.М. Малыгиной определяется текстологическими разысканиями исследователя. Она выявила ранее неизвестные архивные материалы, что позволило совершить историко-литературные открытия. Например, раскрыта история текста рассказа «Бучило», который был создан по методу, до него разработанному и применяемому Б. Пильняком: составлен из ранее написанных и опубликованных текстов.

Глава, посвященная деятельности Платонова-мелиоратора, когда в 1924–1926 гг. он успешно руководил проведением общественных мелиоративных работ в Воронежской губернии, основана на материалах Архива экономики.

В рецензируемой монографии постоянно делаются экскурсы в биографию Платонова. Исследуется его деятельность инженера, журналиста и писателя в 1918–1926 гг. Особое внимание уделено 1921 г., переломному в судьбе писателя, «...когда голод, охвативший Россию, заставил писателя посвятить себя подвижнической работе в качестве инженера-электротехника и мелиоратора» (С. 14). Представляют интерес статьи Платонова-инженера об орошении, мелиорации и гидрофикации, которые, по мнению Н.М. Малыгиной, стали источниками многих сюжетных мотивов художественных произведений писателя. Эти страницы монографии дают основание предположить, что они могут стать основой для литературной биографии Платонова, которая до сих пор не написана.

В заключение подчеркнем, что монография Н.М. Малыгиной содержит в себе ряд открытий в судьбе и творчестве А. Платонова, представленных в контексте русской литературы, и значительно обогащает русское литературоведение.

Литература

1. Корниенко Н. Андрей Платонов по его письмам // Андрей Платонов «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / сост. и коммент. Н.В. Корниенко и др. М.: Астрель, 2013. С. 3–72.
2. Давыдова Т.Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция (Е. Замятин, И. Шмелев, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и др.). М.: Флинта, 2006. 330 с.
3. Давыдова Т.Т. Замятинская энциклопедия. М.: Флинта, 2018. 744 с.
4. Куликова Е.В. Интерпретация творчества Андрея Платонова в современном англоязычном литературоведении. М.: МГУП, 2013. 201 с.
5. Давыдова Т.Т. Проблема революции и войны в «Рассказе о самом главном» Е.И. Замятина и романе «Аэлита» А.Н. Толстого // Соцреалистический канон. Опыт переоценки стереотипов: сб. науч. ст. XXV Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге. 27–31 мая 2025 г. СПб.: Изд-во РХГА, 2025. С. 39–46.
6. Давыдова Т.Т., Сушилина И.К. Современный литературный процесс в России: учеб. пособие. М.: МГУП, 2007. С. 46.

References

1. Kornienko, N. Andrei Platonov po ego pis'mam // Andrei Platonov «...ia prozhil zhizn'»: Pis'ma. 1920–1950 gg. / sost. i komment. N.V. Kornienko i dr. Moscow: Astrel', 2013 C. 3–72.
2. Davydova, T.T. Russkii neorealizm: ideologiya, poetika, tvorcheskaya evoliutsiia (E. Zamiatin, I. Shmelev, M. Prishvin, A. Platonov, M. Bulgakov i dr.). Moscow: Flinta, 2006. 330 s.
3. Davydova, T.T. Zamiatinskaia entsiklopediia. Moscow: Flinta, 2018. 744 s.
4. Kulikova, E.V. Interpretatsiia tvorchestva Andreia Platonova v sovremennom angloiazыchnom literaturovedenii. Moscow: MGUP, 2013. 201 s.
5. Davydova, T.T. Problema revoliutsii i voiny v «Rasskaze o samom glavnom» E.I. Zamiatina i romane «Aelita» A.N. Tolstogo // Sotsrealisticheskii kanon. Opyt pereotsenki stereotipov: sb. nauch. st. XXV Sviato-Troitskikh ezhegodnyh mezhdunarodnyh akademicheskikh chtenii v Sankt-Peterburge. 27–31 maia 2025 g. St. Petersburg: Izd-vo RHGA, 2025. S. 39–46.
6. Davydova, T.T., Sushilina, I.K. Sovremennyi literaturnyi process v Rossii: ucheb. posobie. Moscow: MGUP, 2007. S. 46.

Давыдова Татьяна Тимофеевна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и истории литературы
Институт издательского дела и журналистики
Московский политехнический университет

Davydova Tatiana T.,
Doctor of Philology,
Professor of the Russian Language and Literary History Department
Institute of Publishing and Journalism
Moscow Polytechnic University

e-mail: t.t.davydova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9924-503X>

Статья поступила: 12.01.2026
Принята к печати: 20.02.2026